Форум

О ЕДИНОРОГАХ И АНАКОНДАХ, ИЛИ КАК ИЗУЧАТЬ СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ
(от редакции)

В 2022 г. в издательстве «ШИКО» вышла книга С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой «„Клубы“ и „гетто“ советского здравоохранения». Несмотря на сложные для науки времена, она привлекла внимание и вызвала эмоциональные отклики ведущих профессоров — российских историков медицины из академических и образовательных институций. Для нашего журнала важно, что в каждом из присланных в редакцию отзывов эксперты не просто оценили результаты исследования своих коллег, но дополнили их своими знаниями, воспоминаниями и сформулировали острые для дисциплины «история медицины» вопросы. Что приближает нас к реалиям советского здравоохранения? Как можно выявлять эти реалии, на каких источниках, какими методами?

Феномен советского здравоохранения интересовал и интересует не только российских исследователей и уже не только медиков. Судя по стремительно расширяющемуся потоку публикаций, это направление в мировой науке становится мейнстримом. Видимо, через его изучение исследователи хотят осмыслить советское наследие в целом. Учитывая важность темы, а также экспертный статус участников дискуссии, редакция пошла на то, чтобы организовать форум на страницах журнала и предоставить читателям возможность оценить аргументацию сторон, призывы и скепсис именитых специалистов в области истории медицины. Мы очень рады, что в данном случае всех участников волновал не «раздел имущества», а как его сохранить и преумножить.

И еще. Мы не придумали, как идеально расположить тексты внутри форума, поэтому пошли по самому демократичному пути: реплики исследователей следуют друг за другом по времени их поступления в редакцию.

Форум

© БОРОДУЛИН В. И., 2023
УДК 614.2

Бородулин В. И.

МАНИФЕСТ НОВЫХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ МЕДИЦИНЫ (ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ»)

ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва

Автор на основании обнаруженных С. Н. Затравкиным и приведенных в главе 1 новой книги С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой архивных документов приходит к выводу, что советская история медицины как научная дисциплина не существовала. Историю медицины в СССР надо писать заново, используя накопленную фактографическую базу после проверки по первоисточникам, соблюдая правило критики источника и метод компаратива.

Ключевые слова: советская история медицины; первоисточники; метод критики источника; компаратив.

Для цитирования: Бородулин В. И. Манифест новых российских историков медицины (открытое письмо в редакцию журнала «Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины»). Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023;31(3):487—489. DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-487-489

Для корреспонденции: Бородулин Владимир Иосифович, д-р мед. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории медицины ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, e-mail: borodul1nvladim@yandex.ru

Borodulin V. I.

THE MANIFESTO OF NEW RUSSIAN HISTORIANS OF MEDICINE: THE OPEN LETTER TO EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL "THE PROBLEMS OF SOCIAL HYGIENE, HEALTH CARE AND HISTORY OF MEDICINE"

N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, 105064, Moscow, Russia

The author, on the grounds of archival documents discovered by S. N. Zatravkin and cited in Chapter I of the new book by S. N. Zatravkin and E. A. Vishlenkova, comes to conclusion that the Soviet history of medicine as scientific discipline did not exist. The history of medicine in the USSR must be written anew, using accumulated factual base after verification with primary sources and observing the rule of source criticism and comparative method.

Keywords: the Soviet history of medicine; primary sources; source criticism; comparative method.

For citation: Borodulin V. I. The manifesto of new Russian historians of medicine: The open letter to editorial board of the journal "The Problems of Social. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini.* 2023;31(3):487–489 (In Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-487-489

For correspondence: Borodulin V. I., doctor of medical sciences, professor, the Chief Researcher of the Department of History of Medicine of the Federal State Budget Scientific Institution "The N. A. Semashko National Research Institute of Public Health" of the Minobrnauka of Russia. e-mail: borodul1nvladim@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had no sponsor support

Received 15.01.2023
Accepted 28.02.2023

В конце 2022 г. отечественная историко-медицинская литература пополнилась исключительно значимой книгой: вышла из печати монография профессоров С. Затравкина и Е. Вишленковой «„Клубы“ и „гетто“ советского здравоохранения» [1]. Авторы использовали новые, обнаруженные С. Затравкиным, архивные источники, которыми не располагали прежние исследователи, и применили методологию современной социальной истории. На этой основе они острокритично рассмотрели ключевой вопрос — что представляет собой история советского здравоохранения, можно ли здесь доверять сложившимся стереотипам? Нет сомнения, что многие специалисты согласятся не со всеми положениями книги. Можно предсказать упреки в том, что «фильм» у авторов получился черно-белый, а жизнь — это цветное широкоформатное «кино». Поэтому я уверен в необходимости привлечения ведущих экспертов к участию в дискуссии на страницах журнала для всестороннего обсуждения принципиального и очень сложного вопроса. Вместе с тем мне представляется, что выход этой книги позволяет поставить точку применительно к обсуждению более частной проблемы: что такое «советская история медицины» как научная медицинская дисциплина? Понятно, что в СССР существовала история медицины как мощная идеологическая учебная дисциплина, ее преподавали во всех многочисленных медицинских вузах страны, на самостоятельных кафедрах либо в виде спецкурсов. Но при чем здесь историческая наука? Кто и когда создавал эту советскую научную дисциплину?

Разумеется, в Императорской России история медицины развивалась успешно. Достаточно вспомнить имена Я. А. Чистовича и Л. Ф. Змеева (Петербург), Н. Д. Лебедева, Л. З. Мороховца и М. Ю. Лах-

The problems of social hygiene, public health and history of medicine. 2023; 31(3)
DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-487-489

тина (Москва), С. Ковнера (Киев). В первой половине XX в., после Гражданской войны, молодой Советской России было не до университетских кафедр истории медицины; с середины 30-х годов в Москве были воссозданы ликвидированные в СССР кафедры истории медицины в вузах, их возглавили врачи — социал-гигиенисты и историки медицины И. Д. Страшун и П. Е. Заблудовский. Преподавание велось, конечно, с учетом политико-идеологических требований времени, но без оглядки на нарратив, которого еще не было. Историко-медицинские работы выдающихся клиницистов Д. Д. Плетнева «Русские терапевтические школы. Захарьин, Боткин, Остроумов — основоположители русской клинической медицины» (М. — Пг., 1923) и В. А. Оппеля «История русской хирургии (краткий очерк)» (Вологда, 1923) отражали оригинальные взгляды авторов, не искаженные идеологическими установками. Может быть, академику АМН СССР Страшуну и удалось бы реставрировать историю медицины в Советской России, но его быстро «поправили» и превратили в политический труп. Руководить созданием идеологически выдержанного учебного руководства по истории медицины поручили опытному партийному работнику Б. Д. Петрову. Авторы книги привели архивные документы, надежно свидетельствующие о том, что нужный нарратив был создан в завершенном виде группой врачей-большевиков (Б. Д. Петров, М. И. Барсуков, Ф. Р. Бородулин, к ним примыкал А. Г. Гукасян) в середине XX в. По существу, в течение всей второй половины XX в. все историки медицины были вынуждены в той или иной степени оглядываться на «петровский нарратив». Особенно четко это проявилось в руководствах по истории медицины [2—5].

Нет смысла говорить здесь о методологических бедах традиционной истории медицины с характерным господством позитивистского подхода: историки медицины верили в неуклонный прогресс естественнонаучного знания и в светлое будущее медицины. Официально признанная медицина — она именовалась научной — выступала единственным законным представителем медицинского знания, от которого решительно отсекали все ветви альтернативной медицины: народную медицину, успешно применяемые и в XX, и в XXI в. гомеопатию и остеопатию, а также акупунктуру и другие методы восточной медицин. И в XIX в., и в первой половине XX в. история писалась как эпос. Современная социальная история медицины отмечает: «Этот эпос пересказывали каждый раз без существенных изменений, лишь в большей или меньшей степени приукрашивая, сгущая или приглушая краски» [6]. Подавляющее большинство исследований было посвящено достижениям элитарной медицины. Пациент как непременное составное звено двуединой связки «врач — больной», массовое врачебное сознание и рутинная врачебная практика, медицина, власть и общественная среда (социальный статус врача, медицинское законодательство) — такие проблемы если и присутствовали в научной тематике, то явно на втором плане. Эти методологические пороки были характерны для истории медицины и в России, и в Европе, и в США даже в первой половине XX в.

Речь здесь о том, что в Советском Союзе к таким методологическим бедам добавлялось мощное воздействие тоталитарного пресса: медицина, как и вся общественная жизнь, была полностью во власти марксистских идеологических догматов и политических установок режима. Историко-медицинские работы советского периода в той или иной степени подогнаны к указанному нарративу: авторы, как правило, рассказывают нам не о том, как это было, а о том, как это должно было бы быть. Нам остается только решать, что это — просто ложь (опасливые умолчания об именах, событиях, существенных в данном контексте, но нежелательных для упоминания по идеологическим соображениям; работа без использования государственных архивов, из которых были изъяты все подозрительные материалы), или наглая ложь (во всем, что ближе к политике), или статистика, формировавшаяся по принципу «не сколько было, а сколько надо»? Каждый, кто занимался и занимается конкретными историко-медицинскими исследованиями, работая с первоисточниками, убедился в этом на собственном опыте (отсюда появление ряда публикаций с подзаголовками типа «мифы и действительность»).

Феномен советской истории медицины бесперспективно рассматривать, ориентируясь на стандарты историографии, поскольку всегда перед нами здесь — не попытка историка дать по возможности правдивое историческое описание одного из периодов развития специального научного знания, каким он его видит и осознает (пусть и в отблесках личности автора и его взглядов). Авторы все время вынуждены не забывать, что об этом — запрещено, о том — лучше не говорить, надо постоянно помнить о классовом подходе, подчеркивать наши, а не чужие достижения и не упираться в отдельные наши недостатки. «Исправить» такие тексты нельзя, сколько ни старайся, — так называемую историю медицины советского периода надо переписывать заново. Понятно, что накопленную огромную фактографическую базу нужно не отбрасывать, а использовать, выделяя и принимая все верное и ценное, но после тщательной проверки не по источникам вообще, а именно по первоисточникам, применяя обязательный для историка методический прием критики источника, компаративный метод исследования и т. д.

Многие из нас догадывались обо всем этом, некоторые ясно это осознавали. В 2020 г. во введении к первой книге двухтомного руководства по истории клиники внутренних болезней в России об этом было открыто и резко заявлено [7]. Но никто не мог привести исчерпывающих доказательств. Теперь эти доказательства представлены. Так что ответ на вопрос о самостоятельной научной дисциплине под названием «советская история медицины» получается неожиданным: нет, не было и быть не могло, все это — блеф, «поручик Киже»… Были Всесоюз-

ное научное общество под руководством Б. Д. Петрова, а затем Конфедерация историков медицины под руководством Ю. П. Лисицына, они входили в Международное общество историков медицины. Но серьезные научные доклады, их обсуждение являлись редкостью, а не правилом; на съездах казалось, что собрались деятели туризма, а не историки-исследователи. Пора ставить точку. Нет необходимости в дальнейших обсуждениях проблемы. Спасибо авторам книги. Хочется надеяться, что в XXI столетии началось возрождение отечественной истории медицины [1].

Исследование не имело спонсорской поддержки.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А. «Клубы» и «гетто» советского здравоохранения. М.: Шико; 2022. 351 с.
2. История медицины. Б. Д. Петров (ред.). Т. 1. Ин-т организации здравоохранения и истории медицины им. Н. А. Семашко АМН СССР. М.: Медгиз; 1954. 283 с.
3. История медицины СССР. Б. Д. Петров (ред.). Ин-т организации здравоохранения и истории медицины им. Н. А. Семашко МЗ СССР. М.: Медицина; 1964. 646 с.
4. Лушников А. Г. Клиника внутренних болезней в СССР. Основные направления клинической мысли. М.: Медицина; 1972. 200 с.
5. Заблудовский П. Е., Крючок Г. Р., Кузьмин М. К., Левит М. М. История медицины. М.: Медицина; 1981. 352 с.
6. Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины (коллективный сборник переводов). СПб.: Алтейя; 2008. С. 9.
7. Бородулин В. И. Клиника внутренних болезней в Российской империи. История в лицах. М.: Лакуэр; 2020. 336 с.

[1] Полное согласие с высказанной в манифесте позицией выразили проф. В. Ю. Альбицкий, канд. мед. наук доцент Е. Н .Банзелюк, канд. ист. наук доцент Е. Е. Бергер, профессора П. Э. Ратманов и А. В. Тополянский.

Поступила 15.01.2023
Принята в печать 28.02.2023

REFERENCES

1. Zatravkin S. N., Vishlenkova E. A. “Clubs” and “ghettos” of Soviet healthcare [*“Kluby” i “getto” sovetskogo zdravoohraneniya*]. Moscow: Shiko; 2022. 351 p. (in Russian).
2. History of medicine [*Istoriya mediciny*]. B. D. Petrov (ed.). Vol. 1. N. A. Semashko Institute of Healthcare Organization and History of Medicine of Academy of Medical Sciences of the USSR. Moscow: Medgiz; 1954. 283 p. (in Russian).
3. History of medicine of the USSR [*Istoriya mediciny SSSR*]. B. D. Petrov (ed.). N. A. Semashko Institute of Healthcare Organization and History of Medicine of the Ministry of Health of the USSR. Moscow: Medicina; 1964. 646 p. (in Russian).
4. Lushnikov A. G. Clinic of internal diseases in the USSR. The main directions of clinical thought [*Klinika vnutrennih boleznej v SSSR. Osnovnye napravleniya klinicheskoj mysli*]. Moscow: Medicina; 1972. 200 p. (in Russian).
5. Zabludovskij P. E., Kryuchok G. R., Kuz’min M. K., Levit M. M. History of medicine [*Istoriya mediciny*]. Moscow: Medicina; 1981. 352 p. (in Russian).
6. Disease and health: new approaches to the history of medicine (collection of translations) [*Bolezn’ i zdorov’e: novye podhody k istorii mediciny (kollektivnyj sbornik perevodov)*]. St. Petersburg: Altejya; 2008. P. 9 (in Russian).
7. Borodulin V. I. Clinic of internal diseases in the Russian Empire. History in personalities [*Klinika vnutrennih boleznej v Rossijskoj imperii. Istoriya v licah*]. Moscow: Lakuer; 2020. 336 p. (in Russian).

The problems of social hygiene, public health and history of medicine. 2023; 31(3)
DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-490-494

© РАТМАНОВ П. Э., 2023
УДК 614.2

Ратманов П. Э.

СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: В ПОИСКАХ «ЕДИНОРОГА»

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Минздрава России, 680000, г. Хабаровск

Статья содержит рецензию на книгу о советском здравоохранении. Представлен анализ ее содержания и основных выводов. Книга наносит мощный удар по мифу о многочисленных достоинствах, достижениях, прогрессивности, безукоризненности и гуманности советского здравоохранения. Автор поднимает вопрос об использовании новой теоретической и методологической базы в изучении советского здравоохранения и предлагает некоторые направления дальнейшего изучения здравоохранения в СССР.

Ключевые слова: история медицины; здравоохранение; Советский Союз; методология исторического исследования; империя; постколониальные исследования

Для цитирования: Ратманов П. Э. Советское здравоохранение: в поисках «единорога». Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023;31(3):490—494. DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-490-494

Для корреспонденции: Ратманов Павел Эдуардович, д-р мед. наук, профессор кафедры общественного здоровья и организации здравоохранения Дальневосточного государственного медицинского университета, e-mail: ratmanov@gmail.com

Ratmanov P. E.

THE SOVIET HEALTH CARE: IN SEARCHING UNICORN

The Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "The Far Eastern State Medical University" of the Minzdrav of Russia, 680000, Khabarovsk, Russia

The article review the book about the Soviet health care. The analysis of its content and main conclusions is presented. The book inflicts powerful blow on myth of numerous merits, achievements, progressiveness, impeccability and humanity of the Soviet health care. The authors bring up issue of applying new theoretical and methodological basis in studying the Soviet health care. The certain directions of further study of health care in the USSR are proposed.

Keywords: history of medicine; health care; the Soviet Union; methodology of historical research; empire; postcolonial studies.

For citation: Ratmanov P. E. The Soviet health care: in searching unicorn. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini.* 2023;31(3):490–494 (In Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-490-494

For correspondence: Ratmanov P. E., doctor of medical sciences, Professor of the Chair of Public Health and Health Care of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "The Far Eastern State Medical University" of the Minzdrav of Russia. e-mail: ratmanov@gmail.com

Conflict of interests. The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had sponsor support of the Russian Science Foundation (Project No. 19–18–00031).

Received 16.01.2023
Accepted 28.02.2023

Теме здравоохранения в СССР посвящено бесчисленное количество научных монографий, сборников, журнальных статей, книг воспоминаний и работ публицистического и научно-популярного характера. К этой проблеме обращались исследователи из СССР, стран, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, а также иностранные авторы. Однако считать эту тему до конца изученной мы вряд ли когда-то сможем: слишком велик размер того, что мы привыкли называть советским здравоохранением. Хронологически это период с 1917 по 1991 г., территориально — множество огромных удаленных друг от друга регионов с многомиллионным населением разных национальностей, культур и религий.

Монография С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой не имеет цели провести историографический обзор советского здравоохранения, фактически в книге он минимален. В монографии сознательно сделан отказ от использования книг и статей, представляющих собой «витринную» историю советского здравоохранения. Но в случае публикаций, вышедших в СССР, это практически весь корпус литературы. Вместе с тем иностранные исследования по «медицинской советологии» в монографии тоже хотя и цитируются, но в обсуждении не присутствуют и на выводы никак не влияют [1, 2]. Поэтому в книге нет диалога ни с советской историографией, ни с зарубежными исследователями. Публикация предназначена максимально широкому кругу русскоязычных читателей, имеющих какие-либо представления о советской медицине, а цель книги — эти представления изменить. В таком контексте монографию можно рассматривать как инструмент разрушения привычного мифа о советском здравоохранении.

Этот антимифологический подход навел нас на дальнейшие рассуждения. С одной стороны, советское здравоохранение часто воспринимается как некая сверхъестественная («волшебная») сущность, при минимальных издержках чудесным образом сохранявшая и восстанавливавшая здоровье советских граждан. С другой стороны, при анализе принципов советского здравоохранения в книге обращено внимание на искусственный их характер и размытость формулировок. Это напомнило нам выска-

зывание историка медицины Л. Я. Скороходова, выделявшего три источника влияния на идеологию Наркомздрава РСФСР: английское общественное здравоохранение (с системой широких профилактических мероприятий), германскую страховую медицину (с ее классовым характером) и русскую земскую медицину (с принципом бесплатности и общедоступности) [3]. Такая комбинация «волшебности» и соединение в себе элементов разных явлений навеяли нам образ «единорога» — чудесного животного, совмещающего в себе признаки других существ. Книга С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой как раз и направлена на поиски некоего легендарного явления, хорошо и подробно описанного в источниках, но существование которого ставится под сомнение.

Монография состоит из трех глав. Первая посвящена формированию образа советского здравоохранения. Сначала «препарируются» принципы советской медицины, их эволюция и трансформация на протяжении всей истории СССР. Затем анализируются количественные данные о советском здравоохранении и их достоверность подвергается критическому разбору. В заключение первой главы представлен интересный параграф о создании «канона-призрака» советского учебника по истории медицины, необходимый для понимания всего массива литературы по истории медицины советского и постсоветского периодов.

Вторая глава, основная и самая большая по объему, отведена освещению того самого явления, которое принято называть советским здравоохранением, — системе оказания медицинской помощи населению СССР. Выбор примеров для подробного анализа произведен несколько хаотично, но основные этапы и сюжеты истории здравоохранения в СССР в книге рассмотрены. Главным достоинством этой главы является ее оригинальность. На страницах раздела нет бесконечных споров с научными оппонентами, а есть ссылки на архивные данные, которые в данном случае оценены как надежные. И именно опора на архивные источники позволяет авторам переписать (или значительно скорректировать) традиционную историю советского здравоохранения. Конечно, это не первое критическое исследование советской медицины и, будем надеяться, далеко не последнее. Но книга С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой наносит мощный удар по мифу о многочисленных достоинствах, достижениях, прогрессивности, безукоризненности и гуманности советского здравоохранения. Защитники традиционного взгляда на здравоохранение в СССР не смогут просто отмахнуться от такого фундаментального исторического исследования.

Если поиски мифического «единорога» во второй главе оказались безуспешными, то в третьей главе, посвященной кремлевской медицине, авторы заявляют об обнаружении той самой «доступной, бесплатной и качественной» медицины [4]. Этот раздел книги, хотя и значительно меньший по объему, основан, как и предыдущий, на ранее малоизученных архивных данных. Особенностью этой главы является привлечение инструментария антропологических исследований и широкое использование мемуарных источников.

Монография С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой представляет свежий и аргументированный взгляд на советское здравоохранение, изложенный прекрасным языком. Немногочисленные опечатки и неточности в библиографическом описании цитируемой литературы не портят общее положительное впечатление от проведенного исследования. Достоинства книги определяют и ее недостатки.

Попытки исследовать 70-летнюю историю здравоохранения огромной страны как некую единую сущность неизбежно ведут к обобщенности и принесению деталей в жертву. Работа с центральными советскими и партийными архивами позволяет увидеть масштаб всей страны, но при этом частное неминуемо тонет в общем. Поэтому увидеть частное в общем получатся далеко не всегда.

Кроме того, безрезультатные поиски «единорога» советского здравоохранения за пределами 4-го Главного управления Минздрава СССР ведут к появлению огромной лакуны в исторической науке: как охарактеризовать то, что мы привыкли определять как «советское здравоохранение», каково имя этого «зверя»? И сколько их было?

В монографии ответ на этот вопрос дан схематично: «красная медицина» 1920-х, «классовая медицина» 1930-х, «общее здравоохранение» и «кремлевская медицина» 1940—1980-х годов [4]. При этом отмечен неуниверсальный характер этих систем, что подразумевает дальнейшую декомпозицию этих понятий. Медицина в Ленинграде 1980-х годов и на Колыме 1950-х — это одно явление или два разных?

Интуитивный ответ — это два совершенно разных кейса, мало связанных между собой. Поверхностное изучение регионального опыта здравоохранения в СССР позволяет нам выдвинуть гипотезу о существовании десятков разных моделей здравоохранения на протяжении истории этого государства, объединенных общей риторикой, нормативной базой и отчетной документацией. В таком контексте написание «новой» истории медицины СССР уже не может быть связано с изучением исключительно центральных советских и партийных архивов, а требует кропотливой работы с региональным материалом и описания местных моделей здравоохранения. Возможно, изучение таких «частных» вопросов позволит по-новому переформулировать «общее»?

Вопрос об использовании новой теоретической и методологической базы в изучении советского здравоохранения ставится не первый раз. Если в 1990 г. ленинградские историки медицины, подвергая жестокой критике советскую историю медицины за искажение фактов и даже откровенные подлоги, предлагали вернуться к «подлинно научной марксистско-ленинской истории медицины и здравоохранения» [5], то уже в 1991 г. профессор М. Б. Мирский писал не только о раскрытии белых пятен, но и о разработке новых подходов [6]. Многие положе-

The problems of social hygiene, public health and history of medicine. 2023; 31(3)
DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-490-494

ния его программной статьи остаются актуальными до сих пор. Планировавшийся тогда труд «Очерки истории здравоохранения СССР» так и не увидел свет, но результаты работы сотрудников отдела истории медицины и здравоохранения ВНИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением (ВНИИСГЭиУЗ) имени Н. А. Семашко нашли отражение в многочисленных публикациях, коллективной монографии «Здравоохранение России. XX век» и монографии самого М. Б. Мирского [7, 8]. Главная заслуга этого корпуса публикаций — расширение круга изучаемых сюжетов, особенно за счет ранее запрещенных тем.

В англоязычной литературе общие вопросы изучения истории медицины в СССР рассматривались в предисловиях к коллективным монографиям в 1990 и 2010 гг. [9, 10]. В обоих случаях ответом стал не «катехизис» (или «канон»), а сами статьи по самым разным сюжетам, опубликованные в этих сборниках [11, 12]. Сравнение содержания этих двух книг наглядно демонстрирует эволюцию в выборе вопросов для изучения. Если в сборнике 1990 г. обсуждаются понятные советскому читателю проблемы (страховая медицина, создание Наркомздрава, работа фельдшеров на селе, экономика здравоохранения, социальная гигиена, промышленная гигиена), то в книге 2010 г. русскоязычный читатель, скорее всего, будет разочарован выбором тем (немецкий врач в Киргизии, чума на Юге России, врачебная тайна при сифилисе, возраст и половая зрелость, голод 1946—1947 гг., аборты, водоснабжение и даже малиновое варенье). Что же это за книга о советском здравоохранении, где нет ни общедоступной и качественной медицинской помощи, ни успехов с провалами, ни приказов с отчетами?

По нашему мнению, даже при развенчании мифа о советском здравоохранении мы все равно остаемся в его плену. Сложившееся за почти 100 лет определение советского здравоохранения задает нам узкий коридор исследовательского поля, не позволяющий далеко отойти от устоявшегося перечня проблем: количественные показатели (общедоступность), снижение смертности и заболеваемости (качество) и государственное финансирование (бесплатность). В традиционном советском здравоохранении не было места больницам без центрального отопления и горячего водоснабжения, а также лечению детей малиновым вареньем при простуде. Возможно, нам придется оставить за советским здравоохранением уже устоявшееся содержание, а для новой истории медицины СССР придумать другое название.

Одна из проблем, поднятых М. Б. Мирским еще в 1991 г., — это недостаток объективных свидетельств эпохи. На эту же методологическую проблему обращал внимание американский исследователь Марк Филд в конце 1960-х годов: основной проблемой при изучении советского здравоохранения он называл доступность, надежность и достоверность (*availability, reliability and validity*) источников и документов [1]. Для иностранного исследователя эпохи холодной войны СССР из-за его закрытости был сложным объектом исследования (хотя даже в тех условиях удавалось проводить социологические исследования в рамках «Гарвардского проекта»). Но и сейчас эта проблема далека от своего разрешения: мы не можем опираться на официальную ведомственную отчетность, а неведомственные документы, не подлежавшие разглашению, не охватывают все аспекты здравоохранения и медицины.

В рецензируемой монографии источниками стали архивные материалы Госплана и ЦК КПСС, а проблеме достоверности источников посвящен параграф «Кривые зеркала статистики здравоохранения». Архивы ЦК КПСС для анализа проблем советского здравоохранения используют и другие исследователи [13]. Для проведения региональных исследований можно использовать аналогичные фонды местных партархивов, хотя не все фонды до сих пор рассекречены, а некоторые уже уничтожены. Потенциальный интерес могут представлять отчеты НКВД/МГБ/КГБ о настроениях населения в части оказания медицинской помощи (в случае их рассекречивания).

В части источниковой базы остается еще один важный вопрос: можем ли мы использовать ведомственные архивы советского здравоохранения? С. Н. Затравкин и Е. А. Вишленкова в своей монографии избегают к ним обращаться, считая содержащиеся в них сведения искаженными и не вполне достоверными. Мы полагаем, что архивы Наркомздрава/Минздрава СССР, республиканских, областных и краевых органов здравоохранения изучать не только можно, но и нужно, но при условии критического анализа каждого документа. Опыт наших исследований показывает, что наименьшее количество искажений содержится в документации самого низового уровня, а при прохождении информации с мест «наверх» осуществлялась подгонка отчетных данных к нормативным.

Другая проблема — это выбор методов исследования. Возможен ли один новый набор инструментов для исследования всей 70-летней истории советского здравоохранения? Мы склонны согласиться с мнением, что современную историю медицины характеризует методологическое разнообразие [14]. Выбор методов должен определяться источниками и предметом исследования. Например, в рецензируемой монографии применяются количественные методы для оценки динамики заболеваемости и смертности, а в случае мемуарной литературы — антропологические. В годы холодной войны под пристальным вниманием иностранных исследователей находились советские врачи как корпорация, поэтому ими применялась концепция «профессионализации» [2, 15].

Последние 30 лет исследователи советской медицины не часто обращаются к изучению влияния на нее советской идеологии. Эту часть истории обычно оставляют за скобками, считая коммунистическую идеологию искусственной, далекой от реальной жизни и не оказывавшей воздействия на повседнев-

ную работу советского врача. Мы полагаем, что идеология оказывала значительное влияние на светскую медицину, хотя и не так прямо, как это писалось в руководящих документах КПСС. Скорее это было непрямое воздействие через воспитание и прививание медицинским работникам советской этики [16].

Более сложный вопрос — парадигмальные и идеологические подходы в изучении советского здравоохранения. Рассматривать ли его как единое явление (или несколько последовательно следующих друг за другом явлений), универсальное для всего СССР? Можно ли изучать СССР как империю и, следовательно, использовать весь идеологический и терминологический аппарат имперской истории и постколониальных исследований [17]? И они вообще применимы в случае СССР?

Случай Казахстана показывает, что да, но работы Полы Майклс мало известны русскоязычной аудитории [18, 19]. Исследования Дэвида Арнольда по английской колониальной медицине в Индии стали классическими, но кажутся слишком далекими от советских реалий [20, 21]. Не так давно появилась концепция «внутренней колонизации», и нам еще не известно об опыте ее применения в истории отечественной медицины [22].

Общей рамкой для книги С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой стала метафора «Клубов» и «Гетто», предложенная французским социологом Пьером Бурдьё для описания контрастных социальных пространств. При этом напрашивается применение другой концепции для описания советского здравоохранения: можно ли его изучать как «социальный конструкт»? А пройти мимо истории советской медицины вне контекста работ Мишеля Фуко? Стоит ли использовать единые подходы к изучению здравоохранения в регионах с разными культурой, религией и уровнем экономического развития?

Мы полагаем, что историю здравоохранения СССР можно изучать, как «лоскутное одеяло»: от регионов к столице, от частных случаев к обобщениям. Традиционное понимание «советского здравоохранения» выполняло роль «розовых очков» (подменяло оптику), и «лоскутное одеяло» превращалось в типовой советский «ковер» со стандартным узором. Сняв пелену советских приказов и написанных под копирку отчетов, мы сможем внимательно рассмотреть и личности конкретных врачей, медсестер и руководителей, и отношение пациентов к здравоохранению, и местные медицинские практики, и место здравоохранения в системе государственной власти. Результат может оказаться не вполне предсказуемым: может быть, в советском здравоохранении политического контроля было больше, чем организации медицинской помощи?

Книга С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой стимулирует дальнейшие рассуждения, поиск ответов на поставленные вопросы и постановку новых. Монография является важной вехой в изучении истории медицины СССР, она уже заняла заметное место в историографии отечественного здравоохранения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00031).
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Field M. G. Soviet socialized medicine: an introduction. New York: Free Press; 1967.
2. Ryan M. Doctors and the state in the Soviet Union. New York: St. Martin's Press; 1990.
3. Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. Л.: Практическая медицина; 1926.
4. Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А. «Клубы» и «гетто» советского здравоохранения. М.: Шико; 2022.
5. Селиванов В. И., Селиванов Е. Ф. Состояние и задачи историко-медицинской науки в период перестройки. В кн.: Из истории медицины. Рига: ЛМА; 1990. С. 5–15.
6. Мирский М. Б. Насущные вопросы истории советского здравоохранения. *Советское здравоохранение.* 1991;(3):5—9.
7. Мирский М. Б. Медицина России X—XX веков: Очерки истории. М.: РОССПЭН; 2005.
8. Шевченко Ю. Л., Покровский В. И., Щепин О. П. Здравоохранение России XX век. М.: ГЭОТАР-Мед; 2001.
9. Solomon S. G., Hutchinson J. F. The Problem of Health Reform in Russia. In: Health and Society in Revolutionary Russia. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press; 1990. P. I—XIV.
10. Bernstein F. L., Burton C., Healey D. Introduction — Experts, Expertise, and New Histories of Soviet Medicine. In: Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science. Northern Illinois University Press; 2010. P. 3—26.
11. Solomon S. G., Hutchinson J. F. Health and Society in Revolutionary Russia. Bloomington: Indiana University Press; 1990.
12. Bernstein F. L., Burton C., Healey D. Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press; 2010.
13. Пивоваров Н. Ю., Тихонов В. В. Проблемы советской медицины в письмах читателей по поводу интервью министра Б. В. Петровского «Литературной газете» в 1974 г. По документам фондов Российского государственного архива новейшей истории. *Вестник архивиста.* 2021;(1):105—17.
14. Афанасьева А. Э. Исследовательская программа и проблемное поле «новой истории медицины» в начале XXI века. В кн.: Воробьева О.В (ред.). Профессия — историк (к юбилею Л. П. Репиной). М.: Аквилон; 2017. С. 99—113.
15. Field M. G. Doctor and Patient in Soviet Russia. Cambridge, Mass: Harvard University Press; 1957.
16. Polianski I. J. Das Schweigen der Ärzte: Eine Kulturgeschichte der sowjetischen Medizin und ihrer Ethik. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2015.
17. Афанасьева А. Э. «Инструмент империи»? Медицина в европейской колониальной истории. *Диалог со временем.* 2019;(69):298—306.
18. Michaels P. Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Pre; 2003.
19. Michaels P. A. Medical Propaganda and Cultural Revolution in Soviet Kazakhstan, 1928—41. *The Russian Review.* 2000;59:159—78.
20. Arnold D. Public health and public power: Medicine and hegemony in colonial India. In: Engels D., Marks S. (eds). Contesting colonial hegemony: State and society in Africa and India. London: British Academic Press; 1994. P. 131—51.
21. Arnold D. Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-century India. Berkeley Los Angeles: University of California Press; 1993.
22. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое Литературное Обозрение; 2017.

Поступила 16.01.2023
Принята в печать 28.02.2023

REFERENCES

1. Field M. G. Soviet socialized medicine: an introduction. New York: Free Press; 1967.
2. Ryan M. Doctors and the state in the Soviet Union. New York: St. Martin's Press; 1990.

3. Skorokhodov L. Ya. Brief essay on the history of Russian medicine [*Kratkiy ocherk istorii russkoy meditsiny*]. Leningrad: Prakticheskaya meditsina; 1926 (in Russian).
4. Zatravkin S. N., Vishlenkova E. A. "Clubs" and "ghettos" of the Soviet health care ["*Kluby*" *i* "*getto*" *sovetskogo zdravookhraneniya*]. Moscow: Shiko; 2022 (in Russian).
5. Selivanov V. I., Selivanov E. F. State and tasks of historical and medical science in the period of perestroika. In: From the history of medicine [*Iz istorii meditsiny*]. Riga: LMA; 1990. P. 5–15 (in Russian).
6. Mirskiy M. B. Urgent issues in the history of Soviet health care. *Sovetskoye zdravookhraneniye.* 1991;(3):5–9 (in Russian).
7. Mirskiy M. B. Medicine of Russia X–XX centuries: Essays on history [*Meditsina Rossii X–XX vekov: Ocherki istorii*]. Moscow: ROSSPEN; 2005 (in Russian).
8. Shevchenko Yu. L., Pokrovsky V. I., Shchepin O. P. Health care of Russia XX century [*Zdravookhraneniye Rossii XX vek*]. Moscow: GEOTAR-Med; 2001 (in Russian).
9. Solomon S. G., Hutchinson J. F. The Problem of Health Reform in Russia. In: Health and Society in Revolutionary Russia. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press; 1990. P. I–XIV.
10. Bernstein F. L., Burton C., Healey D. Introduction — Experts, Expertise, and New Histories of Soviet Medicine. Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science. Northern Illinois University Press; 2010. P. 3–26.
11. Solomon S. G., Hutchinson J. F. Health and Society in Revolutionary Russia. Bloomington: Indiana University Press; 1990.
12. Bernstein F. L., Burton C., Healey D. Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press; 2010.
13. Pivovarov N. Yu., Tikhonov V. V. Problems of Soviet Medicine in Readers' Letters in Connection with the Interview of Minister B. V. Petrovsky to the Literaturnaya Gazeta (1974): Documents from the Fonds of the Russian State Archive of Contemporary History. *Vestnik arkhivista.* 2021;(1):105–17 (in Russian).
14. Afanasyeva A. E. Research program and problem field of the «new history of medicine» at the beginning of the XXI century. In: Vorob'yova O. V. (ed.). Profession — historian (on the anniversary of L. P. Repina) [*Professiya — istorik (k yubileyu L. P. Repinoy)*]. Moscow: Akvilon; 2017. P. 99–113 (in Russian).
15. Field M. G. Doctor and Patient in Soviet Russia. Cambridge, Mass: Harvard University Press; 1957.
16. Polianski I. J. Das Schweigen der Ärzte: Eine Kulturgeschichte der sowjetischen Medizin und ihrer Ethik. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2015.
17. Afanasyeva A. E. "A Tool of Empire"? Medicine in European colonial history. *Dialog so vremenem.* 2019;(69):298–306. (in Russian).
18. Michaels P. Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Pre; 2003.
19. Michaels P. A. Medical Propaganda and Cultural Revolution in Soviet Kazakhstan, 1928–41. *The Russian Review.* 2000;59:159–78.
20. Arnold D. Public health and public power: Medicine and hegemony in colonial India. In: Engels D., Marks S. (eds). Contesting colonial hegemony: State and society in Africa and India. London: British Academic Press; 1994. P. 131–51.
21. Arnold D. Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-century India. Berkeley Los Angeles: University of California Press; 1993.
22. Etkind A. Internal colonization. Imperial experience of Russia [*Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii*]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye; 2017 (in Russian).

Форум

© ГЛЯНЦЕВ С. П., 2023

УДК 614.2

Глянцев С. П.

ЗАЧЕРКИВАЯ ИСТОРИЮ СОВЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ, НЕ ВЫПЛЕСНЕМ ЛИ МЫ ИЗ КУПЕЛИ С ВОДОЙ И РЕБЕНКА? (К вопросу о том, надо ли изучать историю медицины СССР)

ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва;
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева» Минздрава России, 121552, г. Москва

В статье рассмотрены некоторые аспекты проблемы изучения истории медицины в СССР как учебно-образовательной и научно-практической дисциплины. Автор считает, что, с одной стороны, история медицины как учебно-образовательная дисциплина вполне может быть «идеологизирована», поскольку просвещение подразумевает не только обучение, но и воспитание из молодого человека патриота и гражданина. С другой стороны, история медицины как научно-практическая дисциплина должна быть избавлена от политики и идеологии. Но это в большей степени определяется не столько тоталитарным прессом или либерализмом общественного строя, сколько профессионализмом и мировоззрением исследователя. Также рассмотрена монография С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой «„Клубы“ и „гетто“ советского здравоохранения» (2022), посвященная советскому здравоохранению и его идеологической сущности. Отмечена высокая значимость работы для понимания становления медицины в СССР. Однако в этом труде не рассмотрена медицинская помощь населению страны в клиниках медицинских вузов и академических НИИ СССР, не уделено достаточного внимания истории медицины в СССР как науке и не отражена роль научных школ в создании фундамента для развития медицины России в конце XX — начале XXI в.

Ключевые слова: история медицины СССР; история медицины как учебно-образовательная и научно-практическая дисциплина; монография С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой «„Клубы“ и „гетто“ советского здравоохранения» (2022).

Для цитирования: Глянцев С. П. Зачеркивая историю советской медицины, не выплеснем ли мы из купели с водой и ребенка? (К вопросу о том, как надо изучать историю медицины СССР). Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023;31(3):495—499. DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-495-499

Для корреспонденции: Глянцев Сергей Павлович, д-р мед. наук, профессор, зав. сектором ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, зав. отделом ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева» Минздрава России, e-mail: spglyantsev@mail.ru

Glyantsev S. P.

BY CANCELING OUT HISTORY OF THE SOVIET MEDICINE ARE WE WEATHER THROWING THE BABY OUT WITH THE BATH WATER? (ON THE ISSUE OF HOW TO STUDY HISTORY OF THE USSR MEDICINE)

N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, 105064, Moscow, Russia
The Federal State Budget Scientific Institution “A. N. Bakulev Research Center of Cardiovascular Surgery”, 121552, Moscow, Russia

The article considers particular aspects of the problem of studying the history of medicine in the USSR as educational and scientific practical discipline. On one hand, the history of medicine as educational academic discipline can quite be “ideologized”, since education implies not only learning but also education of young man as patriot and citizen. On the other hand, history of medicine as scientific practical discipline is to be delivered from politics and ideology. However, this is determined in greater degree not so much by totalitarian pressing or liberalism of social system as by professionalism and world view of researcher. The monograph by S. N. Zatravkin and E. A. Vishlenkova ““The Clubs” and “the ghetto” of the Soviet Health Care” (2022), dedicated to the Soviet health care and its ideological essence, also is considered. The high significance of the book for understanding of becoming of medicine in the USSR is emphasized. However, this scholar work does not consider medical care of population of the country in clinics of medical universities and academic research institutes of the USSR. Enough attention is not paid to the history of medicine in the USSR as a science. The role of scientific schools in creating foundation for development of medicine in Russia in the late XX and early XXI centuries.

Keywords: history of the USSR medicine; history of medicine as learning educational and scientific practical discipline; monograph by S. N. Zatravkin and E. A. Vishlenkova ““The Clubs” and “the ghetto” of the Soviet health care”.

For citation: Glyantsev S. P. By canceling out history of the Soviet medicine are we weather throwing the baby out with the bath water? (On the issue of how to study history of the USSR medicine). *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini.* 2023;31(3):495–499 (In Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-495-499

For correspondence: Glyantsev S. P., doctor of medical sciences, professor, the Head of Sector of the Federal State Budget Scientific Institution “The N. A. Semashko National Research Institute of Public Health” of the Minobrnauka of Russia, the Head of Department of the Federal State Budget Scientific Institution “A. N. Bakulev Research Center of Cardiovascular Surgery”. e-mail: spglyantsev@mail.ru

Conflict of interests. The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had no sponsor support

Received 16.01.2023
Accepted 28.02.2023

The problems of social hygiene, public health and history of medicine. 2023; 31(3)
DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-495-499

Тема, поднятая профессором В. И. Бородулиным в «Манифесте новых российских историков медицины», крайне интересна. Онтологически «Манифест» является продолжением «Введения» вышедшей недавно монографии автора [1], и со многими выдвинутыми в нем положениями можно согласиться. Тем не менее целый ряд установок требует осмысления, уточнения, дополнения, а иные вызывают сомнения.

Вывод «Манифеста» в целом ясен: хотя в СССР медицина как социальный институт была, но ее истинной, подлинной, научной истории не было и *быть не могло*, потому что история медицины была частью советской пропаганды, потому что она была «эпической», поскольку находилась под «мощным воздействием тоталитарного пресса» и была «полностью во власти марксистских, идеологических догматов и политических установок режима». Поэтому, по мнению В. И. Бородулина, «*историю медицины советского периода надо переписывать заново*». Однако, отвергая политизированную и идеологизированную советскую историю медицины, не выплеснем ли мы из купели с водой и ребенка — достижения медицины СССР как таковой, включая ее научную и практическую части?

Сразу же уточню: речь ниже пойдет не о *советской истории медицины*, а об *истории советской медицины*, или *истории медицины советского периода* развития России.

Если основные критические положения «Манифеста» отнести к *истории советского здравоохранения*, то с ними можно согласиться. Охрана здоровья населения является частью политической, экономической, правовой, социальной, научной, медицинской и других государственных систем, и представить существование *государственного здравоохранения* вне *государственной идеологии* невозможно. Это убедительно показали в своей еще пахнущей типографской краской книге С. Н. Затравкин и Е. А. Вишленкова [2].

Действительно, с точки зрения позитивизма идеологизированная история — это нонсенс, но если рассматривать проблему с точки зрения историзма, то спорить тут не о чем. Советское государственное здравоохранение есть плоть от плоти продукт идеологии.

Дело, однако, в том, что в «Манифесте» рассмотрена не только история здравоохранения, но и другие направления истории советской медицины:

1. История медицины как «мощная идеологическая учебная дисциплина».

2. История медицины как научная дисциплина, которой в СССР «не было и быть не могло» опять же в силу «мощного воздействия тоталитарного пресса».

3. Некая «традиционная» история медицины, в которой «господствовал позитивистский подход» — писать не о том, что было, а о том, как надо, чтобы было.

4. «Официально признанная медицина», именовавшаяся «научной» и «отсекавшая все ветви альтернативной медицины».

5. «Элитарная медицина», которой было посвящено «большинство» историко-медицинских исследований (если под «элитарной медициной» понимать медицину для политической, партийной и советской номенклатуры, то почему большинство историко-медицинских исследований было посвящено именно ей, не вполне ясно).

И хотя С. Н. Затравкин и Е. А. Вишленкова проанализировали обстоятельства создания находившейся под «тоталитарным прессом» группой авторов под руководством бывшего сотрудника аппарата ЦК ВКП(б) Б. Д. Петрова «идеологически выдержанного *учебного руководства по истории медицины*», В. И. Бородулин распространил воздействие этого пресса и созданного этой группой нарратива на все вышеперечисленные направления советской медицины.

Но вот в чем вопрос: а может ли быть в принципе деидеологизированной какая-либо область человеческих знаний? Ведь тотальная свобода индивидуума столь же губительна для общества, как и тотальная несвобода. Значит, и у либеральных ученых, включая историков, должны быть какие-то ограничительные, мировоззренческие, идеологические рамки. Какие? Вспомним Н. И. Пирогова, который к концу жизни заявлял: «Все подвергай сомнению, кроме существования Бога!» Или Ф. М. Достоевского: «Когда Бога нет — все дозволено!» Деидеологизация атомного проекта привела человечество на грань ядерной войны. Деидеологизация бактериологии грозит новыми пандемиями. Деидеологизация генетики и молекулярной биологии может привести к новой евгенике.

Напомню принципиальный спор в YouTube двух известных журналистов. Первый говорил: для информации не может быть ограничений, человек сам должен выбрать, верить ей или нет, следовать ей или нет. Второй возражал: не читатель, а журналист определяет, что ему пускать в эфир, а что нет. Первый говорил о свободе слова как основной ценности либерализма. Второй возражал, ограничивая свободу журналиста моральными рамками. Не так ли в истории? Должен ли историк откровенно сообщать о том, что было «на самом деле», считая, что читатель сам выберет, подходит ему эта история или нет? А если читатель еще слишком неопытен? Тогда ему можно рассказать, например, о том, что при советской власти одна треть населения СССР «стучала», другая треть сидела в тюрьмах и лагерях, а последняя треть их охраняла. И в отсутствие другой информации он поверит! Но кто же тогда строил, пахал, растил, летал, воевал, изучал, лечил, наконец?

Поэтому, полагаю, в *идеологизированной*, *эпической истории медицины как учебной дисциплине* нет ничего страшного. Молодежь должна воспитываться на идеалах, коих в истории медицины нашей страны множество.

Иное дело — *история медицины как научная дисциплина*, которой в СССР, по мнению В. И. Бородулина, «не было и быть не могло». Но и тут не все так просто. Не зря говорят, что история — это не то, что было на самом деле, а то, про что и как написал историк.

Недавно один начинающий историк медицины, покопавшись в архивах, с удивлением обнаружил, что один наш коллега советского времени делал купюры при копировании архивных документов не по политическим или идеологическим соображениям, а потому, что не мог расшифровать или перевести тот или иной текст. Как видно, политика и тоталитаризм тут совершенно ни при чем. Все дело в прилежности историка и его недостаточно скрупулезной работе с источниками.

Известно, однако, что историки советской медицины, идя на поводу (вернее, с точки зрения историзма, *в русле*) реалий своего времени, действительно замалчивали (а местами искажали) целый ряд отечественных достижений, особенно если они были сделаны политически неблагонадежными учеными. Наши исследования показали, насколько неполными являются сведения о выдающемся отечественном деятеле медицины и хирургии, действительном тайном советнике В. В. Пеликане [3] или о заместителе наркома здравоохранения СССР С. А. Колесникове, репрессированном в 1947—1954 гг. [4]

Но означает ли это, что без В. В. Пеликана и С. А. Колесникова медицина в СССР развивалась бы иначе? Думаю, что нет, не означает. Так должны ли мы на том основании, что сведений о ревностном служителе самодержавия В. В. Пеликане или сидевшем в Экибастузском ОсобЛаге С. А. Колесникове нет в советских историко-медицинских источниках, подвергать сомнению историю советской медицины как научной дисциплины? Думаю, что не должны. Дополнять, а где требуется, дописать — должны, но считать ее «поручиком Киже», наверное, нет.

Спасает ли деидеологизированная историческая правда историю? Нуждается ли история в такой правде? Померкнут ли достижения советских медиков от того, что новые российские историки будут вскрывать «просто ложь» (умолчание) или «наглую ложь» (ту, что «ближе к политике») советских историков медицины?

Два примера. В советской историографии утвердилось мнение о том, что выдающийся советский хирург с мировым именем С. С. Юдин, арестованный в 1949 г. и высланный в 1952 г. в Сибирь, пострадал невинно. В тюрьме С. С. Юдин перенес два инфаркта, а после освобождения в 1954 г. умер от сердечной недостаточности. И все это, как принято считать, явилось следствием его незаконного ареста и ссылки.

Но так ли это? Изучение закрытых прежде архивов ФСБ показало, что следствие, проведенное по делу С. С. Юдина, действительно выявило его связи с английской разведкой и что по Уголовному кодексу 1947 г. он был арестован и выслан вполне законно [5]. Более того, если бы С. С. Юдин повел себя так же сегодня, в период полной деидеологизации российского общества (см. п. 13 Конституции Российской Федерации), все кончилось бы аналогично: арестом и заключением. Вопрос: повлияли ли результаты нашего исследования на историю русской хирургии, из которой С. С. Юдин в свое время был вымаран? Нет, не повлияли. Надо ли ее в таком случае переписывать заново? Нет, не надо. Дополнили ли наши данные биографию С. С. Юдина? Несомненно. Изменили ли они наши представления о роли этого человека в русской хирургии? Нет, не изменили. Так надо ли на этом основании зачеркивать историю медицины СССР *как научную дисциплину*? Полагаю, что нет. Переосмыслить — да, утверждать, что ее «не было и быть не могло», — нет.

Второй пример другого рода. Сегодня о достижениях выдающегося советского биолога и физиолога В. П. Демихова не знает только ленивый. Интернет заполнен мифами о нем и его деятельности. С советского времени за ним тянется шлейф историй о гонимости его в СССР, о непризнании результатов его пионерских исследований и, как результат, об отставании советской трансплантологии в целом. Но и тут все не так просто.

Наши исследования показали, что советская трансплантология действительно отставала от западной, но вовсе не по причине гонимости В. П. Демихова. В частности, пересадка сердца в СССР была под негласным запретом в первую очередь не из-за технических, а из-за моральных причин. Советских хирургов, как это ни странно звучит в век технологизации, сдерживали не технологии, а не до конца (кстати, до сих пор) разработанные *нравственные вопросы* пересадки работающего сердца. Получается, что и тут политика и идеология не при чем.

То есть дело не в идеологизации истории советской медицины как таковой. Дело в добросовестности историка, имеющего дело с историческими источниками. Живя и работая в тоталитарном или, наоборот, в агрессивно-либеральном государстве, историк должен отвечать за результаты своих исследований как профессионал перед историей, перед собой, перед коллегами, перед своими студентами (если он педагог) и лишь потом — перед государством как политической формой устройства общества.

Таким образом, выявляемые сегодня лакуны, купюры и мифы историографии советской медицины вовсе не повод отменять историю советской медицины ни как научно-практическую дисциплину, ни как «традиционную» медицину, ни как «официально признанную» медицину, ни даже как более изученную «элитарную» медицину. Тем более что сегодня крайне остро стоит проблема выявления и обоснования культурного и научного кода России, который, как двойная спираль ДНК, состоит из прошлого и настоящего и невозможен без медицинской науки советского периода, как бы она ни была политизирована и идеологизирована. Бережно очищать

The problems of social hygiene, public health and history of medicine. 2023; 31(3)
DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-495-499

ее от этой шелухи — да, переписывать заново — скорее всего, нет.

И еще. В отрицании прошлого нет развития. Ну, зачеркнем мы все, что было сделано советскими историками медицины, перепишем историю заново. Но пройдет время, и кто-то точно так же перечеркнет все написанное нами и идущими следом «новыми российскими историками медицины». И произойдет стагнация истории, а не развитие. Ибо переписывание истории не есть ее развитие.

Поэтому считаю, что дискуссия о том, как надо изучать историю медицины советского периода развития страны, очень своевременна и актуальна. И я не могу согласиться с утверждением, что необходимости в дальнейших обсуждениях поднятой в подзаголовке настоящей статьи проблемы нет. Что же касается монографии С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой, которая стала катализатором «Манифеста» В. И. Бородулина и настоящей дискуссии, то к ее содержанию есть несколько замечаний.

В главе 1 доказательно описано создание группой Б. Д. Петрова в конце 1950-х годов так и не увидевшего свет учебника по истории медицины, ставшего нарративом истории советской медицины на последующие 40 лет. Причина его идеологизации, думаю, кроется еще и в том, что историю медицины в СССР монополизировали «медицинские администраторы» — социальные гигиенисты и специалисты по истории здравоохранения. Однако, проследив этот нарратив до 1980-х годов и сообщив о том, что он продолжился и в 2000-х годах, авторы вынесли вышедшие в эти годы учебники «История медицины» Т. С. Сорокиной [6] и Ю. П. Лисицына [7] в сноску без их анализа. Получилось голословно. А сравнить их нарратив с «петровским нарративом» было бы очень интересно!

Авторы не затронули состояние советского здравоохранения в годы Великой Отечественной войны. Но оно ненамного отличалось от довоенного. Особенно пострадала хирургия, и большей частью от того, что хирургами становились врачи нехирургических специальностей. Отсюда масса врачебных (хирургических) ошибок, ненужные операции, высокая летальность от поздних осложнений [8]. Но было бы очень интересно, используя подходы С. Н. Затравкина и Е. А. Вишленковой, показать, насколько далеки от реальных цифры возврата в строй более 70% раненых и более 90% больных бойцов и командиров Красной Армии? Например, есть данные по Карельскому фронту, что эти цифры вполне реальны [9].

Вместе с тем авторы поставили перед читателями очень серьезную и крайне актуальную проблему: *пришло время создавать новый, максимально деидеологизированный учебник или руководство по истории медицины*. Но если его начать создавать, то по какому плану? По хронологии? По направлениям медицины? И кто его будет писать, если изучающих историю медицины в России сегодня в разы меньше, чем специалистов любой другой медицинской специальности, делающих эту историю?

К сожалению, в монографии только вскользь задета история медицины как научная дисциплина. Возможно ли распространить доказательства идеологизации истории медицины как учебно-образовательного предмета на историю медицины как научно-практическую дисциплину? Думаю, что идеологии в науке тоже будет достаточно. И все же профессиональные ученые и историки медицины в СССР были разные. И работы из-под их пера, если не брать годы павловского нервизма, выходили разной степени идеологизации. Во всяком случае, не корпоративные, как петровский учебник. Ведь переиздавались же целых три раза «Очерки гнойной хирургии» трижды судимого и трижды ссыльного профессора хирургии В. Ф. Войно-Ясенецкого (архиепископа Луки)?

При этом, если нарратив неизданного учебника по истории медицины, как утверждают авторы, сохранился и в 2000-е годы, то научная работа в области истории медицины после 1991 г. стала более разнообразной и, надеюсь, свободной от идеологии. Например, занявшись историей медицины и хирургии в 1993 г., никакого идеологического диктата я никогда не испытывал. Разве что перед публикацией научной биографии С. А. Колесникова [4] меня настоятельно просили убрать главу о репрессиях. Но она, естественно, осталась. Впрочем, я издал книгу за свои деньги.

Что касается предложенного авторами деления советской медицины на «красную» медицину 1920-х годов, «классовую» медицину для трудящихся («кто не работает, тот не лечится!») 1930-х годов и медицину «гетто» (для населения) и «клубов» (элитарную, для номенклатуры) 1960–1980-х годов, то получилось, на мой взгляд, черно-белое кино.

Мне, выпускнику советского медицинского вуза 1977 г., не довелось работать ни в практическом здравоохранении, ни в кремлевской медицине. Но я знаю клиническую медицину медицинских вузов (АГМИ, 1-й МОЛМИ им. И. М. Сеченова, 2-й МОЛГМИ им. Н. И. Пирогова, ВМА им. С. М. Кирова и др.) и медицину, как ее назвали С. Н. Затравкин и Е. А. Вишленкова, «академий волшебства» (Институт хирургии им. А. В. Вишневского, ИССХ им. А. Н. Бакулева и др.). Полагаю, что качество помощи в ведущих клиниках медицинских вузов и академических НИИ не отличалось от такового в ЦКБ, потому что ведущими врачами в ней были те же самые профессора вузов и НИИ. Например, главными хирургами кремлевской медицины служили заведующие вузовскими кафедрами С. И. Спасокукоцкий, А. Н. Бакулев, В. С. Маят, Н. Н. Малиновский, М. И. Перельман. И оснащены иные кафедры и академические НИИ были не хуже, если не лучше ЦКБ. Думаю, что и качество научных исследований в медицинских вузах и НИИ было выше, чем в 4-м Главном управлении МЗ СССР. И лечились там не номенклатура, а население. То есть в клиниках вузов и НИИ медицинского профиля имелась, возможно, близкая к идеальной государственная, доступная, бесплатная и высококвалифициро-

ванная помощь. В этих вузах и НИИ развивались новые направления медицины, да и трансфер знаний в них из-за границы и обратно существовал всегда.

Иначе говоря, к предложенной авторами классификации советской медицины я бы добавил ее промежуточные виды (между медициной «гетто» и медициной «клубов») — медицину вузов и медицину НИИ АМН СССР. Но этот вопрос надо изучать отдельно.

И последнее. Одним из стержней этих разновидностей советской медицины был институт клинических школ, в которых производство и трансляция знаний и навыков от учителей к ученикам поддерживали высокий научно-практический уровень оказываемой представителями этих школ медицинской помощи. Да и патриотический дух тоже.

Мелкие замечания, о которых я упоминать не буду, не снижают общего сильного и глубокого впечатления от огромной и столь актуальной проделанной авторами работы.

Книга получилась весьма поучительной. Вот только научит ли она чему-нибудь современных «министров-администраторов»?

Исследование не имело спонсорской поддержки.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородулин В. И. При участии Е. Н. Банзелюка, М. В. Поддубного и А. В. Тополянского. Клиника внутренних болезней в Российской империи. История в лицах. М.: Лакуэр; 2020.
2. Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А. «Клубы» и «гетто» советского здравоохранения. М.: ШИКО; 2022.
3. Крюков Ю. Ю., Глянцев С. П. Действительный тайный советник В. А. Пеликан — выдающийся деятель медицины и хирургии России. *Вестник НМХЦ им. Н. И. Пирогова*. 2021;16(3):134—44.
4. Глянцев С. П. Сергей Колесников. Судьба хирурга. М.: НЦССХ им. А. Н. Бакулева РАМН; 2008.
5. Санников А. Б., Глянцев С. П. К биографии академика АМН СССР С. С. Юдина: за что был арестован всемирно известный хирург? *Вестник РАН*. 2022;92(4):394—404.
6. Сорокина Т. С. История медицины. Учебник. В 2-х т. 14-е изд. М.: Академия; 2021.
7. Лисицын Ю. П. История медицины. Учебник. М.: ГЭОТАР-МЕД; 2004.
8. Джанелидзе Ю. Ю. Дневники (22.06.1941 — 14.01.1950). СПб.: РА Русский Ювелир; 2015.
9. Андреева А. В., Быков В. П., Глянцев С. П. Медицинское обеспечение Карельского фронта и его тыла в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2016;24(3):186—90.

Поступила 16.01.2023
Принята в печать 28.02.2023

REFERENCES

1. Borodulin V. I. With the participation E. N. Banzelyuk, M. V. Poddubnyi and A. V. Topolyanskij. Clinic of internal diseases in the Russian Empire. History in faces [*Klinika vnutrennikh bolezney v Rossiyskoy imperii. Istoriya v litsakh*]. Moscow: Lakuehr; 2020 (in Russian).
2. Zatravkin S. N., Vishlenkova E. A. “Clubs” and “ghettos” of the Soviet health care [*“Kluby” i “getto” sovetskogo zdravookhraneniya*]. Moscow: SHIKO; 2022 (in Russian).
3. Kryukov Yu. Yu., Glyantsev S. P. Actual privy council V. V. Pelikan — outstanding worker of medicine and surgery of Russia. *Vestnik NMChC im. N. I. Pirogova*. 2021;16(3):134–44 (in Russian).
4. Glyantsev S. P. Sergey Kolesnilov. The Fate of Surgeon [*Sergey Kolesnikov. Sud'ba khirurga*]. Moscow: NCCVS named afner. A. N. Bakulev RAMS; 2008 (in Russian).
5. Sannikov A. B., Glyantsev S. P. To the biography of Academician of the Academy of Medical Sciences of the USSR S. S. Yudin: why was the world famous surgeon arrested? *Vestnik RAN*. 2022;92(4):394–404 (in Russian).
6. Sorokina T. S. The History of Medicine. Textbook. In 2 vol. 14th ed. Moscow: Akademia; 2021 (in Russian).
7. Lisitsyn Yu. P. The History of Medicine [*Istoriya meditsiny*]. Textbook. Moscow: GEHOTAR-MED; 2004 (in Russian).
8. Dzhanelidze Yu. Yu. Diaries (22.06.1941 — 14.01.1950) [*Dnevniki (22.06.1941—14.01.1950)*]. St. Petersburg: RA Russian Jeweler; 2015 (in Russian).
9. Andreeva A. V., Bykov V. P., Glyantsev S. P. The medical support of the Karelia front and its rear during the Great Patriotic War in 1941–1945. *Problemy socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini*. 2016;24(3):186–90 (in Russian).

The problems of social hygiene, public health and history of medicine. 2023; 31(3)
DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-500-504

© ВИШЛЕНКОВА Е. А., ЗАТРАВКИН С. Н., 2023
УДК 614.2

Вишленкова Е. А.[1], Затравкин С. Н.[2]

ДОСТИЖЕНИЯ И ДЕФИЦИТЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

[1]Фрайбургский институт перспективных исследований, 79104, Фрайбург, Германия;
[2]ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва

Авторы обсуждаемой на форуме книги размышляют о тематике и трудностях собственных и коллективных исследований советского прошлого. Рецензии на книгу побудили их не только раскрыть творческие замыслы, аналитические подходы и методы, но и оценить состояние исследовательского поля «история советского здравоохранения», его тенденции и дефициты, предложить магистральные направления в его разработке.

Ключевые слова: история медицины; советское здравоохранение.

Для цитирования: Вишленкова Е. А., Затравкин С. Н. Достижения и дефициты истории советского здравоохранения. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023;31(3):500—504. DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-500-504

Для корреспонденции: Затравкин Сергей Наркизович, д-р мед. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории медицины ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, e-mail: zatravkine@mail.ru

Vishlenkova E. A.[1], Zatravkin S. N.[2]

THE ACHIEVEMENTS AND DEFICIENCIES OF HISTORY OF THE SOVIET HEALTH CARE

[1]The Freiburg Institute for Advanced Studies, 79104, Freiburg, Germany;
[2]The Federal State Budget Scientific Institution "The N. A. Semashko National Research Institute of Public Health" of the Minobrnauka of Russia, 105064, Moscow, Russia

The authors of the book under discussion on the forum speculate on subject matters and difficulties of their own and collective studies of the Soviet past. The reviews of the book prompted authors not only to reveal creative concepts, analytical approaches and methods, but also to assess state of the research field "History of the Soviet health care", its trends and deficiencies and to suggest main directions of its development.

Keywords: history of medicine; the Soviet health care.

For citation: Vishlenkova E. A., Zatravkin S. N. The achievements and deficiencies of history of the Soviet health care. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini.* 2023;31(3):500–504 (In Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-500-504

For correspondence: Zatravkin S. N., doctor of medical sciences, professor, the Chief Researcher of the Department of History of Medicine of the Federal State Budget Scientific Institution "The N. A. Semashko National Research Institute of Public Health" of the Minobrnauka of Russia. e-mail:zatravkine@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had no sponsor support

Received 22.01.2023
Accepted 28.02.2023

В размышлениях о советском здравоохранении и даже в названии своей рецензии на нашу книгу профессор П. Э. Ратманов использовал красивую метафору: советское здравоохранение как мифический единорог (инрог), в котором соединились элементы реальных животных — национальных систем здравоохранения иных стран и времен. Данный образ релевантен применительно к истории советской медицины по двум причинам: средневековые бестиарии считали рог этого животного исцеляющим болезни [1], а Дмитрий Миропольский, автор историко-фантазийного бестселлера «Тайна трех государей», уверял читателей, что единорог — это символический ключ к раскодированию русской культуры и специфики российской истории [1].

И все же: идти историкам медицины по пути метафорического описания прошлого увлекательно, но вряд ли спасительно. Оно не проясняет и не объясняет, но делает объект изучения загадочным. Этнографы давно уже заметили стремление «академических племен» представлять себя и свое прошлое принципиально непознаваемым [2]. Значит ли это, что историки медицины признают советские реалии необъяснимыми и могут только фиксировать их странности (не важно — восхищаться или ужасаться)? Или для препарирования советского здравоохранения просто недостаточны рутинные навыки пересказа и суммирования данных из источников, а нужны комплекты аналитических инструментов из разных дисциплинарных полей? Думаем, что значение форума — в поиске ответов на эти и связанные с ними вопросы.

Было ли советское медицинское прошлое такой уж непознаваемой «вещью в себе»? Или все дело в том, что, при наличии в СССР институционально организованных историков медицины, они мало преуспели в анализе современного им здравоохранения, зато преуспели в его экзотизации и мифоло-

[1] В печатной книге единорог впервые появился в 1491 г. в книге «Hortus Sanitatis» (с лат.— «Сад Здравия»), изданной Якобом Брейденбахом в Майнце. В этой книге единорог изображен на иллюстрациях к рассказам о противоядии.

гизации? Прочитывая многочисленные публикации 1950—1980-х годов по истории советской медицины, трудно поверить, что все эти сотни и тысячи трудов были рассказом о желаемом и воображаемом — то есть о единороге.

Наши коллеги правы: устройство советского производства знаний интересовало до нас многих исследователей, но не потому, что это своего рода спорт — «пинать предшественников» и «обличать явления семидесятилетней давности». Нас всех волнует вполне актуальный феномен «закрытой науки» [3], т. е. как функционирует экспертное знание в авторитарных системах. И речь идет не только об «анаконде на люстре» ученого в тоталитарных государствах[2], но и о возможности относить такие системы к модерности[3], прочитывать их в модерных терминах.

На материале историко-медицинских исследований мы убедились, что в СССР были столичные и региональные научные школы, институции и направления, которые производили диссертации, юбилейные брошюры и альбомы, исследовательские работы, сделанные как под копирку и не порождавшие при этом приращения нового знания. Всю эту массу литературы так и хочется сравнить с широкой асфальтированной дорогой с фонарями и скамейками, по которой в никуда шли организованные группы историков. Применительно к этой научной продукции мы поставили вопрос так, как до нас никто из историков медицины не ставил: как советским организаторам науки удавалось добиться, чтобы все эти многочисленные и часто не знавшие друг друга авторы писали не разные версии прошлого, а хорошо управляемую мифологию? В поисках ответа на этот вопрос мы обнаружили альянс партийной власти и академических руководителей в деле согласования исторического нарратива и поддержания его воспроизводства. Несколько десятилетий эта фабрика выпускала многочисленные вариации историй государства как просветителя и целителя народа [7]. При определенных условиях и воле она может быть легко восстановлена, поскольку есть память об этих технологиях. Собственно, именно их мы изучали. В этом смысле наш текст — превентивное средство против воспроизводства опасных явлений советской повседневности.

После распада СССР и открытия архивов история советского здравоохранения перестала быть монополией медицинских исследователей [8, 9]. В нее устремились социальные и демографические историки, культурологи, антропологи и этнографы всех стран. Возможно, что есть темы и зоны, в которых могут работать только историки с медицинским образованием, но советская история дает пример выигрыша от междисциплинарности. Интервенция последних 30 лет взорвала дисциплинарные границы и расширила исследовательское пространство советского здравоохранения. Гуманитарии разных специальностей изучали раннесоветские проекты модернизации здравоохранения [10—12], опыт пациентов [13], историю болезней [15], демографические потери [16, 17], репродуктивную политику [18] и педологию [19]. Всё это территориальные, временные, проблемные фрагменты советской системы охраны здоровья или управления им. Но совокупно результаты новых «золотоискателей» высветили сложную ситуацию со здоровьем советского народа и постоянно перенастраиваемую систему здравоохранения, большие инфраструктурные дефициты в ней. При этом, в отличие от историков-инсайдеров, считавших «свою» систему уникальной, новые исследователи пытались ее «нормализовать», т. е. представить как «одну из» [20, 21], применяя к советскому здравоохранению критерии западной модерности (такие как «свободная» профессия и защищенные права пациентов) [22].

Мы благодарны профессору В. И. Бородулину за высокую оценку нашего труда, но манифеста явно не понадобится: мы — не революционеры. Наверное, наше преимущество в том, что мы не прячемся за дисциплинарными заборами, а новаторство — в том, что показали: за пределами джентрифицированной зоны советской историографии медицины лежит огромная неосвещенная территория без дорог и навигации. И в этом смысле мы солидаризуемся с утверждениями профессора С. П. Глянцева и бессмертными словами Воланда из романа «Мастер и Маргарита»: «Что же это у вас: чего ни хватишься, ничего нет!».

В данной книге мы реализовали только малую часть задуманной работы — показать, как в длительной перспективе трансформировались авангардистские замыслы большевиков об идеальной стране со здоровым населением («твердые духом и телом трудящиеся»). При этом было важно удерживаться от соблазна ретроспективного доказательства, что прекрасный единорог был изначально обречен мутировать в безумного и членовредящего Навуходоносора[4].

Мы соединили институциональную реконструкцию с дискурсивной историей, выясняя, как и почему активисты здравоохранения меняли политики населения. Для чтения бравурных политических текстов и советских отчетов нам понадобились методы герменевтики, исторической семантики и культурной антропологии. Они хорошо защищают исследовательский глаз от «замыливания», появляющегося от чтения однородных по стилистике текстов советского новояза. Между тем медицинские историки почти не пользуются этими средствами защиты [24]. Кто работает со статистикой и протоколами архивов, тот редко изучает дискурсивные практики и этнографию медицинской профессии.

[2] Метафора американского китаиста Пери Линка о китайских историках, писавших свои труды с «анакондой на люстре» в виде контроля государства [4]. О страхах советских историков см. [5].

[3] Обзор дебатов см. [6].

[4] Сергей Прозоров утверждает, что эта мутация заложена в самой идее социализма, отвергавшей существующее во имя конструируемого будущего, общества и человека [23, P. 39].

The problems of social hygiene, public health and history of medicine. 2023; 31(3)
DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-500-504

И наоборот, кто изучает эго-документы, чтобы выявить этику советского врача, биополитические замыслы большевиков [23, 25, 26], «феномен «советского человека» [27—31] или антропологию медицинского языка [32], тот, как правило, слабо осведомлен об инфраструктурных возможностях здравоохранения.

Мы согласны с профессором П. Э. Ратмановым: у советских текстов есть эзотерика, но с ними можно и нужно работать. Только анализировать их приходится не методами и подходами позитивистской науки. Она почти бессильна раскрыть их тайные смыслы и побуждает воспроизводить советские утопии. Для данной книги мы искали и находили новое у всех «под ногами», т. е. в официальной статистике и в центральных партийных и ведомственных архивах, во вполне официальной медицинской периодике и юбилейных изданиях, в учебниках. Но спрашивали мы их не только о фактах и концепциях, но и почему именно так они говорят, почему захотели это зафиксировать и сохранить? О чем молчат? Были ли другие свидетельства, которые утрачены? Для этого мы использовали аналитический инструментарий новой истории науки и антропологии знания, побуждающих исследователей читать свидетельства архивов и иных источников «поперек волокон» [33, p. 271]. Именно этот подход и создал увлекательность письма, о котором позитивно пишут наши коллеги. И мы благодарны им за это приятие: антропологически ориентированные исследования часто вызывают неприятие у медицинских историков в силу присущей им литературной свободы [34].

А дальше мы будем говорить о наших дефицитах.

Не всё, не всегда и не везде в советском здравоохранении было плохо. Мы старались показать зоны и времена прорывов. Если бы их не было, то непонятно, почему, например, у американских и британских врачей в 1930-е годы было увлечение «красной медициной» [35], или почему в 1960—1970-е годы постколониальные страны видели в социалистической медицине образец для подражания [36]. Но, может быть, в силу выбранной нами нарративной тактики — постоянного сопоставления политических намерений и статистики здоровья — или в силу тяги к преодолению восхвалительного пафоса советских исследователей наша книга прочитывается рецензентами как критика СССР. Мы стремились к аналитической нейтральности и исследовательской беспристрастности.

Назвав книгу «„Клубы“ и „гетто“…», мы сознательно пошли вслед за Пьером Бурдьё на провокацию читателя и заострили социальные проблемы в советском здравоохранении. И мы упростили картину до бинарной оппозиции: у нас есть архитектоника «гетто» — общей системы здравоохранения для населения, и у нас представлен «общий клуб» для элитных пациентов. Профессор П. Э. Ратманов прав: в стране были различающиеся республиканские системы охраны здоровья населения, были различающиеся по качеству медицинские институции в одной республике, были отличающиеся по уровню больницы в одном и том же городе и, наконец, разные врачи в одной больнице. Да и советские элиты не были гомогенными: были профессиональные, партийные, художественные, национальные, региональные. Соответственно, «клубов» для них было тоже много, и у них были зоны пересечения, или, вернее, мостики для перехода границ.

Мы согласны с участниками форума, что этой книгой мы не закрыли исследовательское поле: нужно/важно изучение медицинских академических институтов, т. е. экспериментальной науки, и 3-го Управления, и ведомственного здравоохранения, и региональных систем здравоохранения, и многого другого. Дело не только в том, что трудно ожидать от одной книги компенсации всего, что не захотела сделать советская и что не успела сделать постсоветская историография. Но еще и в том, что, чтобы приступить к нюансированию и децентрализации, нужно иметь нечто целостное, пусть даже «центристкую» версию прошлого. Мы ее предложили: деконструировали советский («петровский») нарратив и из этих же строительных материалов (подобного же типа источников, хранящихся в открытом доступе библиотек и архивов) выстроили новый нарратив — сделали это без загадочного единорога и шипящей с люстры анаконды, по технологиям современных социальных наук. Вот теперь его можно дополнять, корректировать (в том числе воспоминаниями участников нашего форума) или пытаться развернуть из региональной перспективы (что профессионально и качественно делают в своих исследованиях профессора В. Ю. Башкуев и П. Э. Ратманов).

Сегодня ведется много международных обсуждений возможности децентрализации и деколонизации советского прошлого [5]. Главное сомнение участников дебатов состоит в том, позволит ли региональная перспектива избежать русоцентристкого и государство-центристкого исторического нарратива? Как собрать из атомизированных по территориальному признаку фрагментов прошлого страноведческий нарратив [6]?

На наш взгляд, сама по себе локальная перспектива не панацея, и уж точно она не сводится к краеведению. Послевоенный советский опыт показал, что иллюстративный подход («как в капле воды отражается море») не разрушал, а укреплял фокусировку центра. Сколько было написано историй национальных медицин, которые предстали простыми предтечами советской медицины, и сколько историй республиканских здравоохранений было написано как уменьшенные копии общесоветского нарратива медицинского прошлого. Мы можем идти по пути атомизации до бесконечности, до обретения «элементарных частиц» в виде удивительного врача,

[5] Дискуссия историков России и Восточной Европы о деколонизации русской истории, см: https://networks.h-net.org/node/10000/blog/decolonizing-russian-studies/12148542/periodization-decolonization

[6] Об этом глубокий комментарий на форуме H-Russia Александра Мартина (Alexander Martin).

уникальной больницы, поиска десяти различий между клиниками одного города или санаториями всего СССР. Это не даст нам истории страны в целом, истории советского здравоохранения как системы.

Но есть иной исследовательский опыт. Историки медицины монгольских народов [37] и Средней Азии [38, 39] доказали, что болезни (недуги), а также смысл социалистической медицины в этих регионах представляли иначе, чем в Москве, показали неоднородность местных врачей. Изучая Туркменистан, Халид обнаружил, что местные врачи формировали альянсы с центром в осуществлении медицинского контроля над здоровьем нации, но использовали расовые концепции не для унификаторской биополитики центра, а для обоснования биорегионализма [40]. Мы не знаем, были ли такие союзы в других регионах и каким представал биорегионализм в Сибири, на Кавказе и в Прибалтике. То, что он точно был, доказывает всплеск медицинских публикаций 1990-х годов о порушенном советской политикой здоровье татарской, литовской, сибирской, грузинской наций (так называемая «субалтерная медицина»).

Если собирать историю советского здравоохранения из таких вариаций «советских медицин», то мы получим явно многомерное и сложно устроенное пространство с разными медицинскими биополитиками. В этом научном движении мы видим большой ресурс для будущего нашей дисциплины.

Исследование не имело спонсорской поддержки.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миропольский Д. Тайна трех государей. М.: Комсомольская правда; 2017.
2. Becher T., Trowler P. Academic Tribes and Territories: Intellectual Enquiry and the Cultures of Disciplines. 2nd ed. Buckingham: Open University Press; 2001.
3. Górny M. Science Embattled: Eastern European Intellectuals and the Great War. Aderborn: Schoeningh; 2019.
4. Link P. China: The Anaconda in the Chandelier. *The New York Review of Books*. 2002. April 11.
5. Уваров П. Ю. Как работает сообщество историков (о книге А. В. Гордона и ее печальных героях). В кн.: Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. Гл. ред. А. В. Чудинов. М.: ИВИ РАН; 2020. С. 319—43.
6. Девид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная, переплетенная? *Новое литературное обозрение*. 2016;(4):19—44.
7. Реннер А. Исследования по истории медицины в XVIII и XIX веков на Западе. Новые перспективы и проблемы. В кн.: Медицина России в годы войны и мира: Новые документы и исследования. Ред. Л. Булгакова. СПб.; 2012. С. 213—25.
8. Бородулин В. И., Банзелюк Е. Н., Бергер Е. Е. XXI век: кому писать историю медицины — врачам для врачей или историкам для историков? В кн.: Opera Medica Historica. Труды по истории медицины: Альманах РОИМ. Ред. К. А. Пашков. М.: ООО «Лакуэр Принт»; 2019. Вып. 4. С. 42—8.
9. Глянцев С. П. О социальной и традиционной истории медицины, или о том, кому изучать и преподавать историю медицины в XXI веке? (полемические заметки). В кн.: Opera Medica Historica. Труды по истории медицины: Альманах РОИМ. Ред. К. А. Пашков. М.: ООО «Лакуэр Принт»; 2019. Вып. 4. С. 49—65
10. Gross-Solomon S., Hutchinson J. Health and society in revolutionary Russia. Bloomington; 1990.
11. Williams Ch. Health and welfare in St. Petersburg, 1900—1941: Protecting the collective. London; 2018.
12. Grant S. Soviet nightingales: Care under communism. Ithaca; 2022.
13. Soviet Medicine. Culture, Practice and Science. Ed. by F. L. Bernstein. DeKalb; 2010.
14. Михель Д. Медицинская антропология. М.: Дело; 2017.
15. Миронова Н. А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М.; 2020.
16. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Население Советского Союза, 1922—1991. М.; 1993.
17. Blum A. L'Anarchie bureaucratique. Statistique et pouvoir sous Staline, (avec Martine Mespoulet). Paris: La Découverte; 2003.
18. Nakachi M. Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union. Oxford University Press; 2021.
19. Byford A. Science of the Child in Late Imperial and Early Soviet. Oxford University Press; 2020.
20. Hoffmann D. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism: 1914—1939. Ithaca, NY: Cornell University Press; 2011.
21. Hoffmann, D. and Timm, A. 'Utopian Biopolitics: Reproductive Policies, Gender Roles and Sexuality in Nazi Germany and the Soviet Union'. Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared. Ed. by M. Geyer and S. Fitzpatrick. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
22. Polianski I. Das Schweigen der Ärzte. Eine Kulturgeschichte der sowjetischen Medizin und ihrer Ethik. Stuttgart; 2014.
23. Prozorov S. The Biopolitics of Stalinism: The Ideology and Life in Soviet Socialism. Edinburg: Edinburd University Press; 2017.
24. Афанасьева А. Э. Новая история медицины в XXI веке. *Преподаватель XXI век*. 2016;(4):486—99.
25. Collier S. Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics, Princeton. NJ: Princeton University Press; 2011.
26. Geipel I. Schoner Neuer Himmel. Aus dem Militärlabor des Ostens. Hamburg; 2022.
27. Зиновьев А. А. Homo soveticus: para bellum. М.: Московский рабочий; 1991.
28. Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: ЕУСПбPRESS; 2002.
29. Klaus G. Der Homo Sovieticus und der Zerfall des Sowjetimperiums. Jurij Levadas unliebsame Sozialdiagnosen. *Zeithistorische Forschungen = Studies in Contemporary History*. Online-Ausgabe, 2013;10(2). Режим доступа: http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Gestwa-2-2013
30. Fitzpatrik Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford University Press; 1999.
31. Fitzpatrik Sh. Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton University Press; 2005.
32. Born to Be Criminal. The Discourse on Criminality and the Practice of the Punishment in the late Imperial Russia and Early Soviet Union. Interdisciplinary Approaches. Nikolosi R., Hartmann A. (eds). Bielefeld: Transcript; 2017.
33. Stoler A. Colonial Archives and the Arts of Governance: On the Content in the Form. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ed. by F. X. Blouin, W. G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2006.
34. Афанасьева А. Э. Исследовательская программа и проблемное поле «новой истории медицины» в XXI веке. *История: электронный образовательный журнал*. 2015;(9):12.
35. Ратманов П. Э. Советское здравоохранение на международной арене в 1920—1940-х гг.: между «мягкой силой» и пропагандой (Западная Европа и США). Хабаровск: Изд-во ДВГМУ; 2021.
36. Iakob B. C. Health. Socialism goes global: Soviet Union and Eastern Europe in the Age of Decolonization. Ed. by J. Mark, P. Betts. Oxford; 2022. P. 270—4.
37. Башкуев В. С. Исторический опыт взаимодействия России и монгольских народов в области медицины и охраны здоровья: последняя треть XIX — первая половина XX вв. Дисс. … докт. ист. наук. Улан-Удэ; 2017.
38. Cavanaugh C. M. Backwardness and Biology: Medicine and Power in Russian and Soviet Central Asia, 1868—1934. PhD Diss. New York: Columbia University; 2001.
39. Michaels P. A. Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh: Pittsburgh University Press; 2003.
40. Khalid Ad. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. University of California Press; 2014.

Поступила 22.01.2023
Принята в печать 28.02.2023

REFERENCES

1. *Miropol'skij D.* The Secret of the Three Sovereigns [*Tayna trekh gosudarey*]. Moscow: Komsomol'skaja pravda, 2017 (in Russian).
2. Becher T., Trowler P. Academic Tribes and Territories: Intellectual Enquiry and the Cultures of Disciplines. 2nd ed. Buckingham: Open University Press; 2001.
3. Górny M. Science Embattled: Eastern European Intellectuals and the Great War. Aderborn: Schoeningh; 2019.
4. Link P. China: The Anaconda in the Chandelier. *The New York Review of Books*. 2002. April 11.
5. Uvarov P. Yu. How the community of historians works (about A. V. Gordon's book and its sad heroes). In: French Yearbook 2020: Wars and Revolutions in Modern Times [*Frantsuzskiy ezhegodnik 2020: Voyny i revolyutsii v Novoe vremya*]. Ed. by A. V. Chudinov. Moscow: IVI RAN; 2020. P. 319–343 (in Russian).
6. David-Fox M. Modernity in Russia and the USSR: Absent, Common, Alternative, Intertwined? *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2016;(4):19–44 (in Russian).
7. Renner A. Research on the history of medicine in the eighteenth and nineteenth centuries in the West. New Perspectives and Problems. In: Russian Medicine in the Years of War and Peace: New Documents and Research [*Medicina Rossii v gody vojny i mira: Novye dokumenty i issledovanija*]. Ed. L. Bulgakov. St. Petersburg; 2012. P. 213–25 (in Russian).
8. Borodulin V. I., Banzeluk E. N., Berger E. E. XXI century: who to write the history of medicine — doctors for doctors or historians for historians? In: Opera Medica Historica. Proceedings of the History of Medicine: the RIHM Almanac [*Opera Medica Historica. Trudy po istorii mediciny: Al'manah ROIM*]. Ed. by K. A. Pashkov. Moscow: OOO "Lakujer Print"; 2019. Is. 4. P. 42–8 (in Russian).
9. Glyantsev S. P. On the social and traditional history of medicine, or on whom to study and teach the history of medicine in the XXI century? (polemical notes). In: Opera Medica Historica. Proceedings of the History of Medicine: the RIHM Almanac [*Opera Medica Historica. Trudy po istorii mediciny: Al'manah ROIM*]. Ed. by K. A. Pashkov. Moscow: OOO "Lakujer Print"; 2019. Is. 4. P. 49–65 (in Russian).
10. Gross-Solomon S., Hutchinson J. Health and society in revolutionary Russia. Bloomington; 1990.
11. Williams Ch. Health and welfare in St. Petersburg, 1900—1941: Protecting the collective. London; 2018.
12. Grant S. Soviet nightingales: Care under communism. Ithaca; 2022.
13. Soviet Medicine. Culture, Practice and Science. Ed. by F. L. Bernstein. DeKalb; 2010.
14. Michel D. Medical Anthropology [*Medicinskaya antropologiya*]. Moscow: Delo; 2017 (in Russian).
15. Mironova N. A. The Great Epidemic: Typhus in Russia in the First Years of Soviet Power [*Velikaya epidemija: sypnoy tif v Rossii v pervye gody sovetskoy vlasti*]. Moscow; 2020 (in Russian).
16. Andreev E., Darsky L., Kharkova T. Population of the Soviet Union, 1922–1991 [*Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991*]. Moscow; 1993 (in Russian).
17. Blum A. L'Anarchie bureaucratique. Statistique et pouvoir sous Staline, (avec Martine Mespoulet). Paris: La Découverte; 2003.
18. Nakachi M. Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union. Oxford University Press; 2021.
19. Byford A. Science of the Child in Late Imperial and Early Soviet. Oxford University Press; 2020.
20. Hoffmann D. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism: 1914—1939. Ithaca, NY: Cornell University Press; 2011.
21. Hoffmann, D. and Timm, A. 'Utopian Biopolitics: Reproductive Policies, Gender Roles and Sexuality in Nazi Germany and the Soviet Union'. Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared. Ed. by M. Geyer and S. Fitzpatrick. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
22. Polianski I. Das Schweigen der Ärzte. Eine Kulturgeschichte der sowjetischen Medizin und ihrer Ethik. Stuttgart; 2014.
23. Prozorov S. The Biopolitics of Stalinism: The Ideology and Life in Soviet Socialism. Edinburg: Edinburd University Press; 2017.
24. Afanasieva A. E. A new history of medicine in the twenty-first century. *Prepodavatel' XXI vek*. 2016;(4):486–99 (in Russian).
25. Collier S. Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics, Princeton. NJ: Princeton University Press; 2011.
26. Geipel I. Schoner Neuer Himmel. Aus dem Militärlabor des Ostens. Hamburg; 2022.
27. Zinoviev A. A. Homo soveticus: para bellum [*Homo soveticus: para bellum*]. Moscow: Moskovskiy rabochiy; 1991 (in Russian).
28. Kharkhordin O. To denounce and hypocrisy: Genealogy of the Russian personality [*Oblichat' i licemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti*]. St. Petersburg: EUSPbPRESS; 2002 (in Russian).
29. Klaus G. Der Homo Sovieticus und der Zerfall des Sowjetimperiums. Jurij Levadas unliebsame Sozialdiagnosen. *Zeithistorische Forschungen = Studies in Contemporary History. Online-Ausgabe*. 2013;10(2). Available at: http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Gestwa-2-2013
30. Fitzpatrik Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford University Press; 1999.
31. Fitzpatrik Sh. Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton University Press; 2005.
32. Born to Be Criminal. The Discourse on Criminality and the Practice of the Punishment in the late Imperial Russia and Early Soviet Union. Interdisciplinary Approaches. Nikolosi R., Hartmann A. (eds). Bielefeld: Transcript; 2017.
33. Stoler A. Colonial Archives and the Arts of Governance: On the Content in the Form. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ed. by F. X. Blouin, W. G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2006.
34. Afanasyeva A. E. Research program and problem field of "new history of medicine" in XXI century. *Istoriya: elektronnyy obrazovatel'nyy zhurnal*. 2015;(9):12 (in Russian).
35. Ratmanov P. E. Soviet Public Health in the International Arena in the 1920s–1940s: Between "Soft Power" and Propaganda (Western Europe and the USA) [*Sovetskoe zdravookhranenie na mezhdunarodnoy arene v 1920–1940-kh gg.: mezhdu «myagkoy siloy» i propagandoy (Zapadnaya Evropa i SShA)*]. Khabarovsk: FEFGMU Press; 2021 (in Russian).
36. Iakob B. C. Health. Socialism goes global: Soviet Union and Eastern Europe in the Age of Decolonization. Ed. by J. Mark, P. Betts. Oxford; 2022. P. 270—4.
37. Bashkuev V. S. Historical Experience of Interaction of Russia and Mongolian Peoples in the Field of Medicine and Health Protection: Last Third of XIX — First Half of XX Centuries [*Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya Rossii i mongol'skikh narodov v oblasti meditsiny i okhrany zdorov'ya: poslednyaya tret' XIX — pervaya polovina XX vv.*]. Diss. Doctor of History. Ulan-Ude; 2017 (in Russian).
38. Cavanaugh C. M. Backwardness and Biology: Medicine and Power in Russian and Soviet Central Asia, 1868—1934. PhD Diss. New York: Columbia University; 2001.
39. Michaels P. A. Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh: Pittsburgh University Press; 2003.
40. Khalid Ad. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. University of California Press; 2014.